

«СВЕЧКА» И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Рассказ

Катя Румянцева, ее муж Дима и восьмилетний сынишка Денис, или, на канадский манер, Дэннис, живут в субсидированном, двадцативосьмизэтажном, похожем на свечку доме в центре Торонто. Субсидированные дома — это такие дома, в которых квартиру снимают за сущие копейки. Потому что остальное доплачивает государство. Жилье для бедных.

Живут там, конечно, не только бедные, но и хитрые. Однако Катина семья относится все же больше к бедным. Потому что они — новые иммигранты. Муж Дима, инженер-железнодорожник (за что и был взят в Канаду, профессия оказалась в списке требующихся в стране), пока, несмотря на спрос на свою специальность, работу не нашел и трудится на стройке. Попутно учит английский, который у него оказался достаточно точным, чтобы пройти иммиграционное интервью, но слабым для того, чтобы найти работу. Катя учится на курсах на бухгалтера. Дениска ходит в школу.

Дом их внешне ничем не отличается от обычных домов, в которых сдаются квартиры внаем. Нет, от дорогих кондоминиумов, конечно, отличается. Там вазы с цветами в лобби, там зеркала в витых рамах на стенах и мраморный пол, там консьерж у большой, красивой стойки. А здесь ничего этого нет. Бедненько, но чистенько. И люди... Ну как сказать? Люди и люди. Ничем не хуже других. Есть несколько наркоманов. Но они и среди богатых есть. Кто может гарантировать, что в роскошном кондоминиуме жильцы не ширяются? Есть немало инвалидов. Но это вообще правильно — государство дает больному человеку доступное жилье. Еще есть народ, который не работает, а получает велфер — соцпособие. Тут тоже нельзя сказать, что это тунеядцы. В Канаде у многих хороших людей нет работы. Потому что понаехали... Там был всем, а тут сразу стал никем. И нужно получать новую профессию, а пока получаешь, надо на что-то жить.

Однако есть в доме и идейные велферщики. Такие, как Шахноз — коммунистка из Ирана. Мало того, она еще и член каких-то курдских боевых групп. В конце восьмидесятых по горам бегала с автоматом. Катя не спрашивала, за кого она воевала. Наверняка за создание курдского государства. Во всяком случае, террористкой она не считалась, в Канаду ее пустили и дали вид на жительство.

ШАХНОЗ

Шахноз девятый год соцпособие получает. Красивая, высокая, с хорошей фигурой, летом она носит штаны и жилетку цвета хаки, а зимой одета в нечто типа каму-

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»). Печаталась в журналах «Нева», «Дружба народов» и др. С 1998 года живет в Канаде.

фляжа. Все это ей идет. Хотя, может быть, и кружевное платье пошло бы, но трудно представить, чтобы Шахноз его надела. Она против мещанства.

Глаза у нее — голубые. Волосы черные, лицо смуглое, и из него, как два прожектора, светят два дерзких глаза. Шахноз курит. Потому что привыкла в горах и потому что «эмансипе». Борец за права женщин. То, что для русских женщин всего лишь вредная привычка, для Шахноз — вызов патриархальному обществу, элемент противостояния доминированию мужчин в иранской жизни. Ей ненавистны женщины-домашние курицы и пошлые классические семейные отношения.

Сигарету она достает грациозно и демонстративно. Пить, правда, не пьет — это выше ее сил. В Иране и из мужчин редко кто пьет.

А еще Шахноз презирует банальный ежедневный труд, потому что это проза. Так прямо и говорит Кате, что она «не дура работать».

Шахноз ходит на собрания иранских коммунистов, и там они курят кальян и спорят до утра. О том, как лучше обустроить планету... И когда победит революция. И как скинуть в Иране «режим мракобесов». И когда наконец наступит кирдык капитализму в Канаде. Потом начинаются пляски под персидскую музыку, коммунисты достают тазики с пловом, коробки с пахлавой, термосы с красным, крепким чаем, и понеслась душа в рай.

В это время дочка Шахноз сидит дома одна. По канадским законам девятилетних детей не положено оставлять дома без присмотра. Но кто знает, что девочка одна? Нюша сидит тихонечко. Однако на самом деле ей скучно и страшно, потому нередко она закрывает квартиру, в которой нечего воровать, и спускается тремя этажами ниже — к Кате.

Кате жаль Нюшу — нежное, кроткое создание, полную противоположность матери. Нюша напоминает бездомного котенка — у нее персиковое личико, еле слышный голос и добрые глаза. Катя предлагает девочке поесть, та всегда отказывается, но Катя заставляет ее есть и по торопливым глоткам и движениям видит, что ребенок был голоден. Ее умиляет скромность Нюши.

Пока девочка ест, Катя любуется ею. До чего же прелестны девочки! Если Катя будет показывать бусы, сережки или новую кофточку сынишке, тот бросит: «Красиво!» — и, не глядя, убежит. А Нюша вытаращит глаза, прижмет ручки к груди и восхищенно замрет. Потом обрадуется, что дали примерить. Потом подойдет молча и обхватит тонкими ручками, прижмется и будет благодарно молчать.

— Шахноз, Нюше не хватает мамы, — уговаривает подругу Катя. Говорит заискивающе, боясь, чтобы Шахноз не наказала девочку за жалобы. — Нюша не жалуется, но она так тебя ждет!..

— Ничего! — отмахивается мать. Потом все же зовет к себе дочку, прижимает, и Катя видит, что она Нюшу любит. Просто в Шахноз стоит микрочип. Его заложил кто-то свыше. Такие люди, как она, не живут для себя. Не говоря уж для близких. Они живут для человечества.

Да, они не работают. Но кто из революционеров работал? Разве что на каторге...

Нюша часто ночует у Кати. Радует белоснежным простыням. У нее дома все из секунд-хенда. У Шахноз нет денег на новые вещи, да и не гонится она за тряпками. Она выше.

И Кате это нравится. Нет, конечно, ребенка нужно больше холить и лелеять, больше баловать, но незаземленность Шахноз, ее наплеватьство на материальные ценности — куда лучше, чем заикленность многих женщин на шмотках. Однажды Катя побывала в компании церемонных, малообразованных и разодетых в пух и прах иранок. С ужасом потом вспоминала, что лак для ногтей можно обсуждать час... Потому устремленная к идеалам справедливости, равенства, братства и нестяжания душа Шахноз Кате мила.

Женщины приятельствуют уже два года, но о личной жизни курдского бойца Катя ничего не знает. И не спрашивает. Если та не рассказывает, значит, не хочет. Катя боится только, как бы там, в среде сподвижников Шахноз, не была распространена идея «стакана воды». Катя волнуется за Ньюшу, которая спит с матерью в одной постели. Ну, чтобы ребенок ничего не подцепил с простыней, полотенцем. Хотя кто знает, может, Шахноз аскетична. Не только в быту, но и в личной жизни. И никаких мужчин у нее нет...

На Катиного Диму иранка смотрит с насмешкой. Для нее он — ишак. Приехал на Запад и — работает! Ну не дурак? Запад — это перевал перед главным, решающим боем. Отдохнул, взял от капиталистов деньги, что они у твоего же народа стырили каким-нибудь хитроумным способом, и — бросил себя в топку мировой борьбы...

Дима ее терпеть не может, и она это знает — сразу уходит, когда он возвращается с работы. Не боится, просто не хочет доставлять Кате проблем.

Порой Катя не видит Шахноз целую неделю или две. Потом выясняется, что та готовила и проводила демонстрацию против транснациональных корпораций. Или за права индейцев. Или за повышение минимальной оплаты труда в Канаде. В общем, в ее лице страна обрела то ли pain in the ass (боль в заднице), то ли недремлющую совесть.

Катя на демонстрации не ходит, но активную жизненную позицию подруги уважает. Удивляется ей. Освобожденная женщина Востока — это ж сколько смелости надо иметь... Не всякая вот так сможет... Уйти в горы воевать за счастье своего народа, скинуть черные одежды и обрядиться в брюки, когда все кругом осудят тебя, а мужчины в ответ не возьмут замуж, а может быть, даже будут плевать (Шахноз рассказывала, как ей в магазине в Тегеране плюнули на открытую кисть). А эмигрировать на Запад — это тоже пуд соли съесть... Многие переехавшие в Канаду часто жалуются — как все трудно и было, и есть. У Шахноз же всегда в глазах лукавые шайтанята, а на губах улыбка.

Образования у нее, кроме школьного, нет. Но она много читает и часто цитирует разных социалистов-философов. Русских классиков первого эшелона Шахноз тоже знает, и угадайте, кто ей особенно мил из их персонажей?

Анна Каренина. Так как бросила вызов...

Катя думает про Шахноз, что с ней, конечно, нельзя работать в паре: она будет сидеть, курить и смеяться над тобой. А вот в разведку, пожалуй, с ней идти можно. Катя легко себе может представить, как курдский боец с голубыми глазами умирает, но не сдается.

МЭДИСОН

О-о-о, Мэдисон — гроза всего дома. Она полная, с конопушками по белой коже. Коренная канадка. И муж такой же — большой и с конопушками. Они похожи друг на друга, как два молодца из ларца.

Оба не работают. По какой причине, Катя не спрашивала. Но если Дуглас всегда молчит и его редко видно, то Мэдисон — много. Очень много. Она считает своим долгом учить весь этот «долбанный иммигрантский приют», как она называет свой дом. Громким голосом она уже с утра отчитывает кого-то в коридоре за то, что не поздоровался. Рядом стоит ее сын Райан, которому и преподается урок. Через обучение неразумных соседей.

Райан — полненький, миловидный и послушный мальчик (попробовал бы он ослушаться!). Он стоит всегда по стойке «мирно» и, чуть жалобно глядя на мать, говорит: «Да, мама», «Нет, мама».

Все, что говорит ему Мэдисон, по сути правильно. Но Кате жаль Райана. Его воспитывают с утра до вечера, причем громко и демонстративно. Пару раз в неделю Мэдисон вызывает полицию, и Райан стоит, вжав голову в плечи. С одной стороны, он верит, что мама правильно жалуется стражам порядка на очередного соседа — мама не может быть неправа. С другой стороны, с ним уже никто не хочет играть. То есть дети хотят, а родители их сразу подзывают к себе и уводят.

И получилось так, что из друзей у него остался только Денис. Мальчишки ходили друг к другу в гости, с этажа на этаж. Катя не препятствовала дружбе, так как Райан был вроде бы неплохой пацан. Единственное, он приходил к ним домой и сразу просил Дениску принести ему в комнату, где они играли на плейстейшн, что-нибудь поесть. «Мама, у них дома вообще есть нечего, — объяснял шепотом на кухне Денис. — У них ведь еще бебичка, а папа с мамой не работают... Они открыли как-то холодильник, и я видел там только коробку яиц. Но, правда, когда Мэдисон готовит, она делает это здорово. Она два раза покупала картофельное пюре в коробках, разбавляла горячей водой — это очень вкусно!»

— Лучше настоящего?

— Конечно! — говорил Дениска, которому, как многим детям, у соседей все вкуснее, чем дома.

Катя кормила Райана почти каждый день, но постепенно ее начало раздражать то, что мальчик освоился и, приходя к ним, сразу шел на кухню и открывал холодильник, разглядывал, что взять. Наглость трудно терпеть даже в ребенке. Однако она терпела. Голодный мальчик есть голодный мальчик.

Потом он стал раздражать ее больше. Дело в том, что то ли Мэдисон с Дугласом просветили сына насчет половых отношений, то ли ему объяснили все на уроках в школе, то ли он подсмотрел за родителями, но Катя заметила, что он что-то нашептывает на ухо ее сыну и они смеются. Мальчишки прибежали со двора и хотели остаться дома, но у Кати болела голова, и она велела им идти во двор играть дальше. И заметила, что Райан что-то шепчет Дениске, указывая глазами на Диму, сидящего на диване с газетой. Лицо Дениса было смущенным.

Катя поняла, что Райан считает, будто они с мужем выгоняют их, чтобы заняться любовью. И взбесилась:

— А ну-ка уходите отсюда!

Через полчаса она пошла за сыном во двор. А там уже полиция и Мэдисон, стоящая рядом с полисменом и размахивающая руками.

— Вот этот вот, — она указывала на стоящего неподалеку индуса, — назвал моего сына белой свиньей!

Полисмен кивал, что-то записывал, но индуса так и не заковал в наручники и не увез. Похоже, в отделении давно просекли фантазии Мэдисон.

Катя увела сына и призадумалась. Потребовала, чтобы он перестал дружить с Райаном. «Когда-нибудь она вызовет полицию и на меня, понимаешь?» — объясняла сынишке. Тот согласился. Но продолжил дружить с Райаном, и Катя молчаливо согласилась с этим, так как жаль было обоих пацанов.

Вопрос о дружбе решили два события, последовавшие одно за другим. Однажды мальчишки пришли из школы, пообедали и пошли в комнату Дениса играть. Они играли до вечера, а потом Райан, вполне довольный проведенным временем, ушел. Каково же было удивление Кати, когда утром в школе она узнала, что Мэдисон пожаловалась в полицию, будто в Райана в тот день на территории школы кто-то кинул снежком и повредил глаз, и тот ничего полдня не видел и плакал...

Катя видела, как нервничает директор школы — миссис Маунтблант. Педагоги в Канаде боятся именно обвинений, что в школе небезопасно.

Миссис Маунтблант была язва еще та. Фальшиво улыбалась, а за спиной могла сделать пакость. Но в данном случае Катя знала, что она ни в чем не виновата. Да и пакости она делала не со зла, а исходя из своего понимания о добре и зле. Искренне заблуждаясь.

Катя оставила Дениса в школе, а сама пошла домой в задумчивости. Конечно, не помешало бы наказать миссис Маунтблант за ее несимпатичное поведение. Но все же Мэдисон клеветала на школу, а стать жертвой клеветы — очень печально и несправедливо. По миссис Маунтблант было видно, что она встревожена.

Весь вечер Катя провела в раздумьях. Ей хотелось засвидетельствовать, что Райан был у нее в тот день в добром здравии и прекрасном настроении. Но тогда она обрела бы в лице Мэдисон и Дугласа врагов. А она — новая иммигрантка, со всеми вытекающими последствиями: она не знает законов, ей будет трудно защищаться если Мэдисон наговорит и на нее, да и вообще неприятно будет каждый день встречаться во дворе или лифте с теми, кто тебя считает предателем.

На следующий день она решила все же рассказать в школе правду. От Мэдисон она знала, когда назначено разбирательство. Катя хотела прийти и шепнуть соседке, чтобы та отказалась от обвинения, иначе Катя все расскажет сама. Это был хороший выход: Мэдисон бы оказалась благородной — простила школу, Катя не выглядела бы в ее глазах предателем, а миссис Маунтблант была бы спасена от неприятностей.

Но разбирательство отложили, и после школы мальчишки снова пришли в дом Кати. Играли в комнате сына. Потом Дениска прибежал на кухню и попросил конфету. Конфета оказалась последней. Он развернул фантик, достал карамельку и засунул ее в рот. Побежал обратно в комнату.

И тут же вернулся.

— Райан просит ему такую же.

— Ну ты же видел, что больше конфет нет, — развела руками Катя.

Через пару часов Райан ушел. Но вскоре в дверь постучали. На пороге стояли оба — Мэдисон и Дуглас. Они были в ярости.

— Почему ты не дала конфету Райану, когда дала ее своему сыну? — строго спросила соседка.

Катя все объяснила. Райан стоял тут же и глядел на Катю небесным чистым взором.

— Так нельзя было поступать! — возмутилась Мэдисон, а Дуглас в знак согласия сдвинул брови. — Если нет конфеты для Райана, значит, не надо было давать ее Дэннису!

— Дэннис не спрашивал. Он взял и засунул последнюю конфету в рот.

— Значит, ты плохо воспитывала своего сына!

— Значит, пусть Райан с ним не дружит.

— Как? Почему? — Мэдисон растерялась. — Почему ты не хочешь чтобы они дружили?

— Потому что мой сын плохо воспитан, — сказала Катя, закрыла дверь и подумала: а не приедет ли сейчас полиция? Разбираться, почему она не дала Райану конфету. Преступление против ребенка, не меньше...

...Наутро она отвела Дениса в школу и стала свидетелем сборища в кабинете директора. Дверь была приоткрыта, и Катя увидела там человека в полицейской форме. Она подошла, приоткрыла дверь пошире и прислушалась.

Мэдисон расписывала, как страдал Райан в тот день, когда его якобы ранили снежком. Миссис Маунтблант с напряженным лицом слушала. Учителя скорбно стояли вокруг. Полицейский записывал в блокнотик.

— Это все неправда, — сказала Катя, и на нее оглянулись.

— Это неправда, — спокойно повторила Катя. — Райан в тот день был у нас дома. Он был цел и невредим. Он поел, и я видела, когда мы сидели за столом, что у него все с глазом было в порядке. Потом дети играли в плейстейшн до вечера. У Райана было прекрасное настроение... А тебе, Мэдисон, я скажу, что никто тебя не боится. Ты каж-

дый день вызываешь полицию на людей, но скоро мы всем домом напишем на тебя заявление.

ЭЛЕН

На пятом этаже живет девочка Элен и ее отец. Они из Ямайки. Дениска не раз приходил к десятилетней Элен в гости. Вместе с Ньюшей. Однажды Катя поинтересовалась, чем занимается папа Элен.

— Махуану продает, — просто ответил сынишка.

— Марихуану? — вытаращила глаза Катя.

— Ну да, — кивнул Дениска. — Она у них в мешках в спальне лежит. Папа иногда заходит, отсыпает в баночку и уходит.

Катя за сердце схватилась. Она, выходит, отпускала ребенка в дом к наркоторговцу.

— Мама, он хороший — тихий, добрый, — стал ее успокаивать Дениска. — А вообще, его обычно нет дома.

Катя строго-настрого запретила Дениске ходить в ту квартиру. И тогда Элен стала приходиться к ним, Румянцевым, поиграть. В итоге из дома начали пропадать вещи. Катя не сразу заметила это, но когда пропало золотое кольцо, призадумалась: как вернуть?

В очередной приход детей Катя сказала, что она потеряла кольцо и того, кто найдет его, ожидает награда. Денис и Ньюша кинулись по комнатам искать, а Элен испытующе посмотрела на Катю:

— А какая награда? Можете купить кроссовки?

Тут Катя сплеховала. Раздраженно ответила:

— Не знаю, какая награда, но что-то я куплю, может, не кроссовки...

И у Элен потух взгляд. Ей стало неинтересно. Так что кольцо вернуть не удалось.

Катя запретила Дениске приводить Элен в гости, и в итоге, как оказалось, он все-таки иногда играл у нее в квартире. Закончилось это плохо.

Однажды сынишка пришел после игр с детьми, и на нем просто лица не было.

— Мама, я тебе сейчас расскажу... Со мной такое произошло...

Он рассказал, что Элен позвала его и Ньюшу к себе домой играть. Они пришли. Но Элен в процессе игры стала обижать и обзывать Ньюшу. И это, объяснил Дениска, ее обычное поведение. Ньюша все терпит. Тогда Денис решил заступиться и высказал Элен, что так не ведут себя с гостями.

Дениска считал, что поступает правильно, как настоящий друг Ньюши и как мужчина. Когда Элен велела ему выметаться, он был уверен, что и Ньюша пойдет за ним: он же из-за нее вынужден уйти... Но Ньюша молчала и в их с Элен схватку не вмешивалась.

— Пойдем, что ты ее слушаешь? — позвал Денис Ньюшу.

— Почему я должна уходить? Меня никто не выгоняет, — ответила Ньюша, а Элен с насмешкой посмотрела на Дениса.

Он был раздавлен. Рассказывая Кате о случившемся, он плакал.

— Мама, как так? Ведь я защищал ее! Я думал даже, что Элен бросится драться — она такая, и я буду драться с ней за Ньюшу. А Ньюша... она... она встала на ее сторону! Они вместе были против меня!

Катя смотрела на сына, обнимала, гладила по голове и понимала, что вот так рано предательство вошло в его жизнь. Ну что бы подождать, пока подрастет?.. Нет, сейчас, пока он так хрупок, так нежен душой, так доверчив...

Вечером случилось страшное. Она чистила картошку на кухне, Денис был в своей комнате и вдруг прибежал к ней. Сын смотрел на мать и не мог говорить. Лицо у него перекошилось, из уголка рта бежала слюна. Какая-то жилка на щеке дергалась. Глаза были испуганными.

— Ничего, ничего, это пройдет, — торопливо говорила Катя, хотя была очень напугана. — Так бывает, ты просто переволновался. Это сейчас пройдет...

Но сын вдруг упал, и его начали сотрясать судороги.

Катя села на колени рядом с ним, подложила под его голову рядом оказавшуюся кофту и, глядя сыну в глаза, стала успокаивать: «Сейчас все пройдет, не бойся, не бойся... Это не больно... Так бывает с мальчиками, когда они подрастают...» Ее лицо было спокойно, хотя душа умерла от ужаса в этот момент. Что это — эпилепсия? Та самая, что на всю жизнь... Или опухоль мозга, дающая судороги? Что это?!

Однажды старая няня в больнице сказала Кате, что мать должна быть «как монумент славы». Что бы ни случилось, первым делом надо успокоить ребенка, потому что он смотрит на твою реакцию и по твоему лицу понимает, бояться ему или нет. Катя смотрела в лицо сына спокойно, а тем временем набирала номер телефона «Скорой». «Я звоню не потому, что с тобой что-то не то, а потому, что так положено... У тебя сейчас все пройдет, но позвонить врачам положено», — говорила она, пока шли гудки... Она не знала, в сознании ли сын, но у него были открыты глаза, и она надеялась, что он слышит. Позже выяснилось, что так и было.

«Скорая» приехала быстро. У сына к тем порам судороги прошли, но был еще один испугавший его и Катю момент. Сразу после судорог его тело было настолько слабым, что он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. «Мама! — отчаянно закричал ребенок. — Мое тело не слушается! Что со мной?»

И снова Катя внутренне умерла. Она не знала, что с сыном. Может, парализовало. Может, навсегда. На миг мелькнула картинка их будущей жизни...

— С тобой все нормально. После судорог так всегда бывает, — спокойно ответила она, хотя понятия не имела. — Пройдет несколько минут, и все восстановится.

Так и случилось. Но их все равно увезли в госпиталь. Где врач, выслушав, поставила диагноз: «Эпилепсия».

— И что с этим делать? — растерялась Катя.

— Ничего. Жить.

Равнодушный психиатр выписал им гору таблеток. Получалось, в день надо было съедать горсть. «А какой будет побочный эффект?» — поинтересовалась Катя. «Кровь испортится», — невозмутимо ответил врач. «А как он будет жить с испорченной кровью?» — поразила Катя. «Мы тогда остановим прием таблеток», — ответил психиатр.

Катя подумала. Судороги у сына появлялись раз в неделю, обычно ночью. Она просыпалась от булькающих звуков из его кровати. Спала, конечно, рядом, на расстеленном на полу матрасике. Длились судороги минуты две-три. Были безболезненны. Пожалуй, лучше жить с ними, чем с испорченной кровью...

Переживая, она подписала отказ от лечения. И оказалось, не зря. В Интернете нашла, что есть такая болезнь, как «детская доброкачественная эпилепсия». Она часто бывает именно у мальчиков семи-восьми лет. И проходит сама. Если не лечить. Правда это или нет — что не надо лечить, — она не знала. Но сердце подсказало, что в данном случае с лечением нужно подождать.

Через три месяца судороги прошли, но Катя еще года полтора-два по ночам несколько раз просыпалась и прислушивалась. С сыном же у нее состоялся разговор. О дружбе, предательстве, о неблагодарности и коварстве. О том, что и друг, и девушка могут поступить так, как Ньюша. Но это не значит, что нужно переживать до судорог.

Сын слушал, как взрослый. Катя видела, что он все понял, но как же ей было жаль, что он понял и прочувствовал все так рано! Пожить бы ему еще в теплой уверенности, что друзья всегда верны, девочки благодарны, зло наказано, а добро вознаграждено. А еще она думала, что за чем-то ее сыну был дан этот опыт. Все мы родом из детства, и, проследив свою судьбу, она давно уже заметила, что все, что случалось с ней

в детские годы, имело потом колоссальное значение. Именно благодаря детским душевным травмам она обрела черты, которые ей потом оченьгодились в разных сложных ситуациях и стали доминирующими и лучшими в ней. Вот и у Дениски... Так рано поставлена прививка от предательства.

Иногда она с приятным чувством вспоминала похвалу врача «Скорой помощи». Пока его коллеги ошупывали и осматривали Дениску, он, канадец средних лет, расспрашивал Катю, что было и как... Она на ломаном английском рассказала все по минутам. И врач замолчал. А потом сказал с восхищением: «Я первый раз вижу такое поведение матери».

Обычно, наверное, кричат, мечутся, пугая ребенка паникой?

Катя не стала рассказывать врачу, что ее бабушка имела то же кредо, что и старая няня из больницы: «мать должна быть как монумент славы». «Даже если ребенок умирает, нужно до последнего уверять, что сейчас заснет, а потом проснется, и уже ничего не болит, — говорила бабушка. — И лишь когда заснет, можно рыдать».

БАЗИЛ

Базил — это еще один дружок Дениски. Девятилетний шкет. Сириец. Но мы все представляем арабов черненькими, а Базил — блондин с серыми глазами. В переводе на русский его зовут Василий. Васька. А он и есть настоящий Васька: маленький, но эдакий мужичок. Легкий, гибкий, с прямой осанкой и поведением контролирующего ситуацию.

Когда он стучит в дверь и просит позвать Дениса, Катя ощущает себя не в своей тарелке. Базил смотрит ей прямо в глаза и смотрит немного холодно, будто он шах, а она — служанка. Он ничего грубого не говорит, просто стоит — маленький, прямой и гордый — и молчит, ожидая Дениса. Если его о чем-то спросить, отвечает односложно, бросив на нее такой взгляд, будто не понимает, отчего это женщина с ним разговаривает.

— Понимаешь, мама, — объясняет, посмеиваясь, Денис. — У них в семье мужчины главные. Папа, старший брат и Базил. А женщины — они подчиняются. Базил своей маме может сказать: «Молчи, женщина».

— И она не даст ему ремня? — возмущается Катя. — Убила бы!

Денис смеется.

Однажды когда мальчики играли во дворе дома в футбол, в дверь постучали. Катя открыла и увидела полицейского и своего сына. Испугаться не успела, так как на лице Дениски была улыбка.

— Мэм, я хочу выразить вам благодарность за правильное воспитание сына, — сказал офицер. — Во дворе дети подрались, и ваш сын пытался их примирить. А затем он спас жизнь своему другу.

Оказалось, шустрый и дерзкий Базил повздорил с чернокожим мальчиком лет четырнадцати. Старший мальчик был крупным, большим, за что его прозвали Слоном. Базил около него походил на болонку. Так вот, Базил в пылу ссоры набросился на чернокожего и принялся его лупить.

Слон несколько раз скидывал «болонку» с себя, не желая драться с малолеткой, но Базил не унимался. Тогда Слон просто взял камень и ударил противника по голове.

Базил упал и потерял сознание.

В течение их потасовки Дениска, как рассказали полиции другие дети, бегал между арабом и афроканадцем, пытаясь примирить враждующие стороны. А когда Базил потерпел поражение, Денис сразу же позвонил в Службу спасения, взяв телефон у прохожего.

Врачи сказали полицейским, что если бы им вовремя не позвонили, Базил мог бы умереть.

Позже, когда Катя с Денисом пришли к Базилу домой навестить его, Денис сказал другу:

— Как же ты мог прыгать на такого здорового парня? Он ведь мог убить тебя!

— Но у меня был шанс победить, — не моргнув глазом, возразил Базил. Он ни о чем не жалел.

ДЖОЛЛИ

Джолли — одноклассник Дениса. Он черный как ночь, его семья эмигрировала в Канаду из Ганы. Родители и трое ребятишек.

Кате все они нравятся: дружные, работающие, аккуратные. Папа и мама Джолли — очень строгие родители. Они не пускают сына гулять, пока он не сделает уроки. Известно также, что, когда родители на работе, он присматривает за младшими братом и сестрой.

Девочке два с половиной года. На головке у нее забавная прическа — маленькие короткие косички, торчащие во все стороны. Малышка черна как ночь, и у нее большие глаза с яркими белками.

Денис, когда видит ее в коридорах дома, подбегает, встает на колени и обнимает. Девочка тоже его любит — обхватывает за шею ручками. И так они на несколько секунд замирают.

— Мама, это самый красивый ребенок, которого я видел! — с чувством говорит Денис. Катя переводит эти слова матери девочки, и та, смеясь, ласково смотрит на Дениску.

Когда Катя приехала в Канаду, она, как большинство русских, до этого мало встречала чернокожих. А потому никакого особого мнения о них у нее не было, как она считала. Предубеждений не было. Однако...

Однажды стояла у лифта, ждала, пока он приедет, и задумалась. Когда двери открылись, она вдруг увидела перед собой здорового черного парня. Это было настолько неожиданно, он был так огромен, что она испугалась. Секунду они смотрели друг на друга, и Катя решительно шагнула внутрь лифта. Ведь человек, чего доброго, подумает, что она расистка, и ему будет обидно.

Но все же ей было очень страшно. Она стояла, опустив голову, чуть ли не зажмурившись. И вдруг услышала над собой спокойный и дружелюбный голос:

— What's up?¹

Катя подняла лицо и увидела, что парень улыбается.

Сказала, что все в порядке.

— Ты русская? — спросил он.

— Да, а что, понятно?

— У тебя шуба красивая. У русских всегда красивые шубы.

Катя вышла из лифта и подумала, что предубеждения — это все-таки очень плохо. Вот что она его так испугалась? Разве ей черные что-то когда-то плохое делали? И вообще, любимой книжкой в ее детстве была «Хижина дяди Тома». Сколько она над ней слез пролила!

В их субсидированном доме жила еще одна чернокожая пара. Мужчина и женщина, иммигранты, говорящие на французском. Они были безукоризненно одеты и напоминали дипломата с супругой. Катя их мысленно называла «консулами». Мужчина ходил в темном строгом пальто и шляпе, женщина одевалась в стиле «шанель». От них приятно пахло.

¹ Что стряслось? (англ.).

Однажды Катя с Шахноз и детьми ходили в иранский магазин и помимо мяса и сладостей приобрели баранью голову. Из нее иранцы варят очень вкусный суп. Смотреть на баранью голову целиком, конечно, страшно, но если ее раздербанить, то вообще непонятно, что в супе. Мясо и мясо. Язык, мозг... Вкуснотища. В Казахстане, кстати, тоже едят баранью голову, причем существует ритуал: одному дают уши (с пожеланиями слышать, скажем, глас народа, если это чиновник), второму дают глаза (чтобы глаз был зорким, особенно если это страж порядка), третьему язык, ну, и так далее...

Так вот, продавец специальными инструментами раздробил голову барана и дал в пакетиках отдельно мозг и другие части.

Мозг походил на человеческий. Один к одному, с извилинами. Денис гордо нес его в прозрачном полиэтиленовом пакетике, предвкушая, что вскоре впервые попробует.

Когда они вчетвером ввалились в лифт, там были «консулы». Поздоровались, и лифт поехал вверх.

Мужчина вдруг увидел мозг в пакете. Смотрел на него не отрываясь, потом не вынес:

— Что это? — спросил.

— Мозг! — радостно ответил по-английски Дениска.

Пара переглянулась.

Иранцы и русские на этаже, где живет Шахноз, вывалились из лифта (собирались готовить голову в ее квартире) и обхохотались. «Мы, наверное, в их глазах дикари, канибалы».

...Джолли стал лучшим другом ее сына. Он был вежливым, внимательным, умным и верным. А когда подрос, стало заметно, что у него красивая фигура. Он играл в баскетбол, и Катя не раз ставила его в пример ленившемуся Денису. И еще Катя заметила, что стала с состраданием относиться к Африке. Вечно у них там то засуха, то голод, то малярия. Как будто кто-то не дает этому могучему, молодому и полному сил континенту расправить плечи.

Потом в их доме появились сомалийцы. Их Катя научилась отличать от всех остальных: они были как статуэтки, особенно женщины. Тоненькие и гибкие, с вытянутым лицом, прямым тонким носом и вполне себе европейскими чертами лица на темных лицах. Они носили узкие длинные юбки с ярким принтом и такие же топики. Волосы женщины убирали в аккуратную низкую «шишечку» и обматывали ее платком.

Ни дать ни взять — статуэтки!

МАРИНА

А еще в доме живет лучшая Катина подруга, которая как сестра и даже ближе сестры — Марина. Она украинка. Ее муж разбился в аварии, и Марина осталась с грудным мальчиком на руках. Потому она не работает, получает велфер. Ребенок уже подрос, ему два года, и Марина думает, на какие курсы ей пойти учиться. Профессия, которую она получила в Днепропетровске, никому в Канаде не нужна.

Главная черта подруги — верность. Она по-собачьи верна мужу, которого не может и не хочет забыть. Она предана и Кате — на Марину во всем можно положиться, а сложные ситуации у иммигрантов периодически возникают.

У Марины — величайшего калибра совесть. Если что-то когда-то в своей жизни она сделала не так, она прямо себе в этом признается и жестоко себя ругает, наказывает, бичует. Однажды, случайно став причиной большой проблемы других людей, она добичевала себя до дистрофии, хотя ее простили. Марина показывала Кате фотографии того времени — на них она была как вышедшая из концлагеря.

Марина — хорошая хозяйка и щедрый человек. Весь год, гуляя по магазинам, она покупает Кате подарки. На распродажах в основном. Учитывая, что за квартиру она

платит мало, получает велфер и детское пособие, плюс родители из Днепрпетровска подбрасывают, Марина может себе позволить маленькие радости. А радость для нее — счастливить подругу. Она покупает вещи, складывает, а потом, в день рождения Кати, вываливает их перед ней, как Дед Мороз.

Катя поступает точно так же. Они сошлись во многом потому, что есть натуры берущие, есть дающие. Так вот обе подруги получают больше удовольствия, когда отдают.

Скоро они вместе будут праздновать наступление 2003 года. Новый год они всегда празднуют вместе. Да что там Новый год, они часто вместе и завтракают: то Катя придет к Марине с блинами, то Марина к Кате с сырниками.

В разговорах Марины мелькало, что в Канаду она приехала через Израиль. Каким образом украинка оказалась в Израиле, почему жила в кибуце и знает иврит, Катя не задумывалась. Но как-то Марина ей рассказала удивительное...

Ее мать Олеся выросла в религиозной православной украинской семье. Настолько верующей, что Олеся до сих пор в свободное время прислуживает в церкви — в свечной лавке. Она и свою дочь приучила в церковь ходить. Когда мать Олеси стала умирать, она призналась, что удочерила ее. Что на самом деле Олеся еврейка и настоящие ее родители репрессированы.

Марина не рассказывала, как Олеся восприняла эту новость, известно только, что в церкви работать она продолжает и Марина тоже посещает в Канаде украинский храм.

— Так как твоя настоящая фамилия, товарищ Троцкий? — поинтересовалась Катя.

— Очень простая. Рабинович.

Катя покатывается со смеху. Все-таки забавно: вчера Маринка была Стельмашенко с двумя вышиванками в шкафу, ела сало и кормила им Катю, а сегодня она Рабинович. Стельмашенко — это фамилия Марины по отцу-украинцу. Выйдя замуж, она фамилию не меняла.

Так вот, в тяжелые постперестроечные годы Марина уехала в Израиль, пожила там недолго и переехала в Канаду. Где вышла замуж и родила.

— Ну ты что-то в себе чувствуешь? — любопытствует Катя. — Еврейское что-то есть в тебе?

— Не чувствую, — мотает головой Марина. — Да какая разница? Русские, украинцы, евреи... Лишь бы человек хороший.

— Правильно! — одобряет Катя.

Но история семьи Марину не отпустила. О своих репрессированных предках она узнала уже будучи подростком. Тогда не задумывалась и потом не задумывалась, пока сама не стала матерью. Почему-то начала время от времени представлять, что ее отрывают от сынишки и отправляют в лагерь... Или на расстрел. И стало жаль ту свою сторону, тех бабок и дедок, которые сгинули в застенках — она даже не знала за что. Интересно, невинные они или виноватые? В те годы ведь сидели не только по политическим статьям, но и за расхищение народной собственности, например. И за взятки, и за... да за все то же, за что и сейчас. Олесе не удалось найти дела родителей, и семья Стельмашенко просто молилась в православной церкви за «невинно убиенных Розу и Мишу». Плакали. Путем логических рассуждений пришли к выводу, что «если мы сами хорошие, значит, и те были хорошие».

Так или иначе, а узнав о своих еврейских корнях, Марина стала переживать и за евреев.

Однажды пришла из украинской церкви расстроенная. А было это через несколько дней после того, как украинские военные по ошибке сбили пассажирский самолет авиакомпании «Сибирь», который летел из Тель-Авива в Новосибирск. После службы в церкви по традиции накрыли скромный стол, прихожане повытаскивали из сумок печенье, конфеты и прочую снедь, матушка разлила всем чай, и зашла речь о катастрофе.

А собирались в этом храме преимущественно старики. Прибывшие в Канаду молодыми, после войны. В основном сотрудничавшие с немцами. Полицаи, бандеровцы, члены дивизии «Галичина». Были, конечно, и те, кто находился в плену и боялся возвращаться на родину, но националисты преобладали. От таких, когда с ними беседеешь, никогда не услышишь, откуда они, из какого украинского города или села. Держат рот на замке. А если спросить, отчего бы им сейчас не посетить родину, все как один отвечают, что не переносят долгих перелетов.

И вот публика расселась пить чай. И когда речь зашла о сбитом самолете, хором пришли к выводу, что пилоты и пассажиры сами виноваты:

— А нэхай жиды не летаютъ!

И Марина с ними переругалась. «Как можно не жалеть пассажиров?!» — возмущалась.

Потом Марина, напротив, защитила русских или украинских девчонок от двух смуглых бабок, говоривших на иврите. Те сидели в общественном бассейне около их многоэтажного дома и выказывали недовольство тем, что тут же, а бассейне, девчонки плещутся, вскрикивают. Скрипели-скрипели бабки, а затем на английском велели девчонкам уходить. Дети, привыкшие слушаться взрослых, стали покорно собирать вещи. Катя не обратила на все это внимания, так как не понимала иврита, а Марина, оказывается, наливалась яростью. В итоге она вдруг разразилась гневной речью на незнакомом Кате языке, та и глаза вытаращила — не знала, что подруга так умеет. Марина отходила ворчливых старух так, что те замолчали и девчонки вернулись в бассейн.

НОВЫЙ ГОД

В этот декабрьский день выпал первый снег, началась долгая канадская зима. Катя иногда думала: вот умные люди иммигрируют в Калифорнию, а она... Но она знала, что в Калифорнию ее и калачом не заманишь. Америка — это как-то все же радикально. Это прямо противоположно России. Другое дело — Канада. Страна управляется Жаном Кретьеном, к России настроенным миролюбиво. Канада отправляет по всей планете миротворческие миссии. А также бесплатные вакцины в Африку. Видимо, жалеет всех... В такой стране жить куда приятнее, чем в Штатах. Да и социальная база в Канаде знатная: никому не дадут умереть с голоду. И оружие запрещено, а в Америке, ты посмотри, то в одной школе стрельба, то в другой...

Нет, Канада Кате нравится. Это сейчас ее семье трудно, потому что новенькие. А потом все будет хорошо. Катя знакома со старыми иммигрантами — у них большие красивые дома, дорогие машины, и они выглядят вполне довольными жизнью. Катя надеется, что они с мужем встанут на ноги и смогут помогать родителям. Ее и его.

Но даже сейчас, когда трудно, Катя все равно умудряется посылать маме с папой в Россию посылки с подарками. Разве не здорово? Есть в Канаде множество магазинов, в которых хорошие вещи можно купить дешево. И медицина здесь бесплатная. Говорят, плохая, но лучше плохая и бесплатная, чем плохая и платная. В России, когда Катя уезжала, были и платные медуслуги, и бесплатные. И они ничем не отличались. Дело ведь не в том, сколько платят доктору, а в том, есть ли у него совесть. Профессиональная совесть. Это выражение Катя услышала от одного старого русского немца. «У каждого человека должна быть профессиональная совесть. То, что делаешь, нужно делать наилучшим образом», — сказал он.

Так вот, Катя считает, что качество услуг зависит от того, есть ли в людях совесть и любовь к своему делу. Если доктор балбес или ленивец, высокая зарплата не поможет. Если журналист бездарь, трус или гнилая душа, вливания в газету дела не исправят. Если чиновник — вор, то повышай ему зарплату не повышай, а воровать он будет.

...Катя прочитала сыну сказку на русском языке, он уснул. Сказки сыну она читала каждый день чтобы не забыл родной язык. И мультики смотрели только русские — с этой же целью. Когда Румянцевы приняли решение об эмиграции в Канаду, они не считали, что это навсегда. Точнее, думали, что будут жить на две страны: в Канаде зарабатывать, в России тратить. Удобно. Но все оказалось куда сложнее. Чтобы в Канаде хорошо зарабатывать, надо прожить там несколько лет, получить подтверждение своим дипломам или обрести новое образование. А вслед за ним и опыт работы. А там, как рассказывают бывалые иммигранты, уже и дети подросли и привыкли к новой среде, и жизнь устаканилась, и снова ее ломать и возвращаться — травматично...

Сын спит, муж спит, а она смотрит в окно, как падает снег. Темно, под окном фонарь, и видно, как медленно опускаются на землю большие, пушистые хлопья. Тишина. Такое чувство, что у всего мира отключили звук. Как хорошо... Так бы сидеть и смотреть, смотреть... Но надо идти на кухню и печь пирог с рыбой. Она обещала завтра принести его на пати.

В их дом-«свечку» время от времени приходят религиозные деятели. Наводят пропаганду, манят в свои церкви. Обычно они вешают объявление о пикнике во дворе, если это лето, или о чаепитии внутри здания, если на улице холодно. И многие жильцы приходят — пообщаться друг с другом, попить чаю. Пропаганду слушают. Чернокожие женщины, как заметила Катя, особенно внимательно. К сердцу берут. Многие ходят в эти церкви — баптистские, адвентистские и другие. Надевают в выходные лучшее платье, цепляют на голову шляпку с вуалью, на ноги надевают привычные кроссовки, и — вперед.

Катя договорилась с Мариной и Шахноз, что все они с детьми придут. Не для лекции, а пообщаться, и чтобы дети вместе поиграли. Решили принести с собой выпечку, а то на религиозных лекциях стол скудный.

...И вот утро. Катя с сыном нарядно оделись и пошли вниз, в большую комнату для мероприятий.

Народу пришло человек тридцать, если считать и детей. Ребятишки всю веселились — пришли с игрушками, пищалками, стрелялками, а взрослые расселись за длинным столом, на котором стояли одноразовые тарелки с нехитрыми сладостями из супермаркета. Разливали по пластиковым стаканчикам чай. Настроение у всех было хорошее, потому что за ночь улица стала ослепительно-белой, и возникло чувство, что начинается новая, светлая и чистая жизнь. Ощущению этому способствовало и предвкушение скорого Рождества: на улицах уже развесили гирлянды, магазины украсились искусственными снежинками, неоновой цифрой 2003, елочными игрушками, фигурками Санта-Клауса. Взрослые ждали нового года с затаенной детской надеждой, что в нем непременно случится чудо и этот год будет лучше, легче, счастливее прежнего.

Катя, Марина и Шахноз выставили для всех свое угощение, и жильцы обрадовались — всегда интересно попробовать блюда других народов. Катя принесла большой пирог с рыбой — его стали есть взрослые, Марина испекла два медовых торта — они пошли детишкам, Шахноз выставила большую кастрюлю плова — его понемножку хватило всем.

В торце стола Катя заметила Мэдисон с Дугласом, которые упорно не смотрели в ее сторону и ели принесенные с собой чипсы.

...Священник оказался импозантным улыбчивым мужчиной лет за пятьдесят в темно-синем костюме-тройке, ослепительно-белой рубашке, с крестом величиной с детскую ладошку на толстой цепи. Представился: Чарльз Маккензи, пастор. Катя не слышала, какой церкви.

Когда суэта чуть улеглась, все со всеми перездоровались и разобрали еду на тарелки, Чарльз Маккензи сложил руки в молитве и прочитал «Отче наш». Все тоже сложили так же руки и повторили вслед за священником: «Аминь». Катя краем глаза за-

метила, что родители Базила тоже сложили руки у груди и с закрытыми глазами выслушали молитву. Они были мусульманами, Катя знала это наверняка. Но она уже и раньше замечала, что рядовые, обычные мусульмане не питают вражды к христианству. И Христа уважают, и церкви не трогают, если не война. А про войну что говорить, там идет уничтожение с обеих сторон...

— Друзья мои! — обратился Маккензи к разноликой иммигрантской толпе, и глаза его лучились радостью. — Я пришел сказать вам, что мы рады видеть вас на канадской земле...

Все захлопали.

— Мы знаем, что вам пришлось пережить много, некоторые из вас прибыли с территорий, охваченных войной. Или экономическим кризисом, или вас толкнуло в путь стихийное бедствие. Кто-то приехал просто потому, что хотел лучше жить материально, и в этом нет греха, потому что Канада — страна, в которой вы можете реализовать свои таланты и устроить более обеспеченное будущее своим детям. Я хочу, чтобы вы знали, что здесь, в Канаде, вам рады и вы обрели надежную защиту и второй дом.

Иммигранты внимательно слушали и благодарно кивали.

— Вам сейчас трудно, потому что многие из вас проходят период адаптации, который длится не год и не два... Вы не знаете толком английского языка, у вас нет той работы и статуса, что был на родине, вам даже трудно помочь детям с уроками, так как вы учились на других языках и по другой программе... И еще немаловажно — вы оставили на родине своих близких.

И вот в этой ситуации, когда все так непросто, ново и порой страшно, я хочу сказать вам, что вы не одни. С вами Бог, от которого невозможно уехать. Когда вам некогда спросить — спросите его, когда некому пожаловаться — пожалуйтесь ему, когда не знаете, как поступить, спросите себя: а как бы Христос поступил на моем месте, и вы сразу поймете какой выбор — правильный.

Эти слова врезались Кате в душу. «А ведь и правда, — подумала она. — Как просто и как верно: представить, как поступил бы Христос».

— Верующий человек каждый день делает выбор, — продолжал пастор, и лицо его горело вдохновением. — Этот выбор порой не замечаешь, просто принимаешь за день несколько решений. Но именно то, что ты выбираешь, обозначает тебя как верующего человека, входящего в легион сил Добра, или как человека, который увлечен Тьмой. Не надо недооценивать мелких решений! Найти чужие деньги и не отдать владельцу — грех. Ударить своего беззащитного ребенка — грех. Говорить неправду, когда идет какое-то разбирательство, — грех.

Грехов много. Но и наград у Господа много! Всякий, живущий по Слову его, непременно почувствует на себе Его благословение... И здесь нужно проявить другую добродетель — благодарность. Вам сейчас жизнь, может быть, кажется плохой. Вы небогаты. У некоторых нет работы. Близкие далеко. Но нужно посчитать и то, что у вас есть. А это — свобода, безопасность, здоровье, с вами ваши дети... Господь дает очень много, нужно просто иметь внимательные глаза, благодарное сердце, и ваша жизнь без всяких чудес наполнится ощущением счастья...

Речь священника входила в души собравшихся, как нож входит в масло. Только с виду люди были уверенными, на самом же деле многие оказались за границей неожиданно для себя, и в их душах надолго поселились растерянность и тревога. Вот и Катя — она никогда не думала, что будет жить вне России. Даже в 1998-м, когда из-за очередного дефолта пропали все накопления и ее с Димой, и у родителей. В тот год она вдруг узнала, что Канаде требуются инженеры-железнодорожники. Друзья подбили послать документы на эмиграцию. Румянцевы послали и совершенно не верили в успех. Послали, считая, что вот если не пошлем, может, будем всю жизнь жалеть.

Надо послать, получить отказ и успокоиться. А им через год бац — и приглашение на интервью. А еще через восемь месяцев бац — и прислали вид на жительство.

Родня выталкивала: езжайте и не возвращайтесь, зарабатывайте, а что лишнее — нам присылайте. Родители были несказанно рады, что их дети «хоть поживут как люди». Мама крестила Катю напоследок и довольно говорила: «Я вас с Дениской будто в сейф положила. Теперь за вас не волнуюсь». Это она потому, что девяностые годы в России были бандитскими и в офис, где она работала, врывались бандиты, стреляли...

А потом в Диме и Кате включилась внутренняя программа, которая есть почти во всех эмигрантах, но о которой никто не говорит, — «я не лузер». Ведь о том, что они уезжают, знали все друзья и знакомые. И возвращаться из Канады в Россию несолоно хлебавши, как потерпевшие, было стыдно. Русский человек приучен быть целеустремленным и добиваться своего. Он вырос на «Как закалялась сталь». И знает, что если возвращаться, так на коне. Вот они и пытались изо всех сил взобраться на этого самого коня.

— Вам трудно сейчас и будет трудно в ближайшие годы, — говорил пастор. — Постепенно станет легче, но не так уж скоро... Единственное, к чему я призываю вас — помнить, что Христос всегда страдал. И не роптал. Не предавал Отца своего небесного. И потому вошел в жизнь вечную. Я призываю вас делать всегда христианский выбор, слушать свое сердце, не идти на компромиссы с дьяволом и любить друг друга, помогать друг другу.

Неважен цвет кожи, важен цвет души. Неважно, какое у вас прошлое, жизнь всегда можно начать с чистого листа. Оставайтесь людьми в любой ситуации, а я со своей стороны всегда готов принять вас, выслушать, помочь, если это в моих силах, и помолиться за вас, если не в моих.

Он говорил вдохновенно и был определенно красив в этот момент.

— И еще, дорогие, — добавил Чарльз Маккензи. — В Канаде тоже есть проблемы. Сейчас пытаются выкинуть Христа из Рождества. Не покупайте открытки, на которых написано «Хэппи холидэйз», покупайте открытки, на которых написано «Мерри Крисмас!», а если про елку вам говорят, что она новогодняя, не верьте! Она — рождественская!

Иммигранты заплодировали, у многих из них на глазах были слезы. И у Кати были, и у Марины. А Шахноз, атеистка и коммунистка, хоть и не прослезилась, но зато и не усмехалась.

Пастор попрощался и ушел, оставив на столе визитки, и все принялись пить чай. Но ощущение, что в комнате был свежий, добрый, теплый ветер, оставалось. Катя поила Дениску чаем, подсовывала ему конфетку, когда сзади кто-то дотронулся до ее плеча. Она обернулась и увидела Мэдисон.

— Прости. Я не буду больше вызывать полицию, — сказала она. На ее белом с конопучками лице проступили красные пятна, глаза увлажнились. — Я была неправа. Я очень хочу, чтобы наши дети дружили... Ты хорошая женщина, и подружки у тебя хорошие.

В ответ Катя и Марина подвинулись, и Мэдисон, радостно ойкнув, села меж ними на скамью. Ей тут же протянули кусок пирога, кусок торта и тарелку с пловом.

Кто-то издал индейский вопль, Катя оглянулась и увидела, что это радостный Райан бежит к Денису играть. Тот тоже выглядел довольным: мальчишки соскучились друг по другу.

А на улице началась метель и мела до вечера... Вечером же наступил абсолютный покой, все застыло и затихло, и даже часы в спальне Кати, казалось, перестали тикать... «А если ты не знаешь, как поступить, спроси себя: а как бы Христос поступил — и сразу поймешь...» — вспомнила Катя, облегченно вздохнула и впервые за долгое время уснула крепко и сладко.